

Анастасия Югай

Послечеловек

18+

Анастасия Даниловна Югай

Послечеловек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70617130

SelfPub; 2024

Аннотация

В данном рассказе описывается встреча двух заклятых врагов – и оба они серийные убийцы. Действие истории разворачивается в России в конце 1998-ых годов. Это история о мести, история о предательстве, о том, что такое подлинное отчаяние...

Анастасия Югай

Послечеловек

По небу медленно катился ярко-оранжевый солнечный диск, уходящий вдаль, за горизонт; он мягко дрожал в воздухе, излучая приятный глазу мягкий свет, и мерцал плотным глянцевым шариком на фоне заметно помрачневшего от тяжелых туч неба. Оранжевый шар спустя несколько минут должен был скрыться из виду, минуя закопченные трубы домов. Герман Барнз, живший на улице Стоунов в 155 квартире, в доме, увитом плющом, находился в подвале своего дома поздно вечером, и открывал 57-галонный чан с кислотой. Сидя в подвале, Герман не торопился. Он всегда заканчивал свои дела вовремя, в одно и то же время, чтобы ничего не упустить из виду, и время было им точно рассчитано. Помещение подвала со звуконепроницаемыми стенами пахло порохом; большие механические бабочки порхали в полутемном помещении подвала, освещаемого одной-единственной тусклой лампочкой. Герман, закончив осматривать чан, взял в руку пульт дистанционного управления, нажал на кнопку указательным пальцем, и бабочки вспорхнули на белые стены, касаясь их металлическими лапками. Их черные крылья, выполненные из тончайших металлических листов меньше полдюйма толщиной, теперь были аккуратно сложены над их крохотными тельцами. Весь подвал был усе-

ян этими искусственными созданиями, они сидели везде: на твердых металлических стульях, на стенах, даже на решетке клетки, отделяемой от стены массивной перегородкой, и быстро-быстро взмахивали крылышками, распространяя вокруг себя малейшие дуновения слабого ветерка. Это было воистину подземное царство Германа. Темное царство одиночества.

Никто из обитателей жилых домов не знал, кем был Герман на самом деле – в этом статном мужчине средних лет, стройном и подтянутом, с черными волосами и одной выкрашенной в розовый цвет прядью волос скрывалось чудовище: жилец этого дома несколько секунд назад бережно убирал влажной тряпочкой свежую кровь с купленной им на распродаже циркулярной пилы, и тщательно при этом вымыл окровавленные руки в ванне; кровавые сгустки быстро исчезали в темном сливе раковины. Воздух, казалось, весь был пропитан запахом крови. Герман тем временем опустил чистую циркулярную пилу на пол, поставив ее рядом с ножкой металлического стула, а сам тем временем поднялся по лестнице через черный ход в гостиную. Через два часа он спустился в погреб, достал бутылку крепкого вишневого виски, вернулся на кухню и поставил бутылку на стол. Открыв бутылку, он достал из ящика кухонного стола над раковиной стакан, и залез в морозильник. Держа в одной руке стакан, в другой кубики для льда, Герман толкнул дверцу морозильника ногой, и она захлопнулась перед ним с громким шумом.

Аромат виски вскружил Герману голову; он потянул носом, вдохнул с наслаждением знакомый запах и опустил кубики льда в стакан, налив себе из бутылки.

Потягивая виски, Герман переместился в гостиную, взял с журнального столика газету «Правда» и принялся неторопливо ее читать. Заголовок крупными буквами гласил: «Очередное убийство». В газете сообщалось, что четыре дня назад на некоего работника знаменитой во всем городе пиццерии Максима Дементьева было совершено нападение; Зверь протащил его еще живого двенадцать футов по земле, после чего выстрелил из револьвера в затылок. «Славный серийный убийца», – подумал Герман, и, потирая правый висок указательным пальцем, слегка помешал кубиками в стакане; кубики льда звонко ударились о толстое дно стакана. Герман прикусил нижнюю губу – он соскучился по сигаретам, и рука его автоматически потянулась к карману черного пиджака, чтобы извлечь зажигалку. В другом кармане он нащупал сигарету. Довольный, он вышел на балкон. Звезды сияли в темном небе, – эти холодные мертвые точки, пульсирующие ярким белым светом в темноте, и Герман думал о том, какие звезды, должно быть, холодные. Он зажал сигарету в губах, откинул крышку зажигалки, не спеша поднес ее к кончику сигареты и сделал первую затяжку. Из рта Германа клубами вырывался дым, и ментоловый вкус таял у него на губах. Пока Герман курил, воспоминания медленно возвращались к нему – старые, но еще не канувшие в лету вос-

поминания. Герман помнил, как Зверь напал на него в 1993 году. Он помнил Примутское шоссе, обочину вдоль дороги, то, как он обернулся на подозрительный звук и то, как на него, обрушиваясь с холодной яростью, посыпался град ударов из темноты лесной чащи; как огромные когти из титана полосовали ему живот, грудь, спину... Он ясно, как тогда, видел зеленую маску, и две горящих зеленым светом линзы инфракрасных очков, шерстяной хребет, черные металлические вставки на костюме из гладкой кожи... Пять лет назад Зверь напал на него, когда Герман еще не совершил первого убийства. После нападения Зверя Герман сделал пластическую операцию на лице, потому что не хотел быть узнаваемым ближайшим окружением. Герман чувствовал глубокую, поднимающуюся из недр всего его существа ледяную ярость, этот огромный, неподвижно застывший вне времени ледяной ком давней ненависти к своему заклятому врагу. Калейдоскоп из воспоминаний еще долго не желал отпускать его измученную душу. Воспоминания медленно догорали в его сознании, как тлеющая в его руках сигарета, и он постепенно возвращался к действительности. Герман допил наконец виски и поставил стакан на подоконник, закрыл окно и бросил недокуренную сигарету в пепельницу. Он вернулся в гостиную и сосредоточенно размышлял, как ему быть дальше.

Новая идея посетила его лишь вечером, когда он оказался в магазине «Мимоза». Сидя в кресле перед стойкой магазина, он внимательно изучал листовку с другим пропав-

шим мужчиной. Запах кальяна и табака заставил Германа блаженно прикрыть глаза. По правую и левую сторону от него на прилавке белели ценники на наркотики с красочными, пестрящими упаковками под ними: ЛСД, гашиш, фен, героин, кокаин, альфапрадин и многие другие – без ведома полиции магазин «Мимоза» был одним из самых популярных подпольных магазинов в городе, и его популярность все возрастала. Не успел Герман как следует рассмотреть на фотографии физиономию грузного мужчины, как длинные колокольчики над дверью приветливо звякнули – вошел первый посетитель. Герман взглянул на наручные часы. Без четверти девять. Кто мог явиться в магазин столь рано? Герман опешил, когда в молодой девушке лет восемнадцати узнал Анну.

– Привет, Герман, – сказала расстроенным голосом Анна, и стук ее каблучков по полу подействовал на Германа как бы отрезвляюще.

– Привет-привет, моя дорогая Анна, – Герман улыбнулся ей одними прокуренными зубами, в ряду которых один из зубов сверкнул золотым, – как обстоят у тебя дела с клиентами? – он рассчитывал, что этот вопрос застанет Анну врасплох.

Так оно и случилось: девушка замялась, но старалась не подавать виду. Она то и дело поглядывала на ценники с наркотиками, на кресло, на заставленные в углу картонные коробки, на полки с курительными смесями у нее над головой,

надеясь, что этот прием отвлечет внимание Германа от ее старых насущных проблем. Взгляд Германа заскользил по ее топу-бюстье, опустился ниже, к плиссированной мини-юбке, пока, наконец, не остановился на ее колготках в сетку. Маленькие круглые сережки, отливавшие жемчужной белизной, только сильнее подчеркивали блеск ее слегка встревоженных зеленых глаз. Анна подошла ближе к Герману, и опустив кожаную сумочку на коричневое кресло перед стойкой, оперлась одной рукой на ручку кресла. Затем она осторожно произнесла:

– В последнее время клиентов у меня немного, но ты знаешь, Герман, что я прилагаю очень много усилий для того, чтобы их не было меньше... – в тихом голосе Анны прозвучали отблески едва уловимого страха перед человеком, сидевшим перед ней, – ведь он снабжал ее пусть и плохой, но все-таки квартирой, а лишиться теперь и квартиры Анна отчаянно не хотела. Ей приходилось балансировать на лезвии ножа под пристальным, змеиным взглядом Германа, смотревшего на нее сейчас из-под полуопущенных ресниц. Не кажется ли ей, что он смягчился? Но нет, Герман играл ручкой, быстро перебирая ею меж своих пальцев, словно он жонглер, и Анна уставилась на его крашенные черным лаком ногти, отполированные до блеска, до ряби в глазах.

– Что ж, Анна, – сказал Герман твердо, знакомым ей сухим тоном, – надеюсь, что ты отнесешься к своей работе более добросовестно. Купи себе более яркую помаду, иначе...

– обрывая свое предложение на полуслове, Герман нервно засмеялся, – а впрочем, неважно, этот момент еще не настал, Анна, поэтому постарайся найти как можно больше клиентов на ближайшей неделе. В конце концов, ты ведь очень многим мне обязана, иначе была бы сейчас на улице.

– К-конечно, Герман, я сделаю все, что в моих силах, – робко ответила Анна, и глаза ее вспыхнули благодарностью к наркодилеру. Взгляд ее, лавируя между ценниками, незаметно метнулся к листовке с изображенным на ней неизвестным мужчиной.

Герман встал с кресла, и, спокойным шагом обойдя его, приблизился вплотную к девушке, лицом к лицу, и мягко взял ее за подбородок, зажав его между большим и указательным пальцем.

– Ты хочешь купить у меня что-то? – спросил Герман беззлобно, – или хочешь узнать что-то больше об убитых Зверем жертвах? – он улыбнулся ей своей фирменной холодной улыбкой, и она почувствовала, как изо рта у него несет табаком. Он чувствовал, как девушка вся напряглась, и дорого бы отдал за то, чтобы увидеть, как ее руки, спина, плечи и шея покрываются мелкими гусиными мурашками.

– Нет, Герман, не совсем, – ответила она, чуть запинаясь, – но я... была свидетельницей убийства моего клиента... и я до сих пор не пришла в себя после этого кошмара. Это был настоящий ночной кошмар. Я никак не думала, что ты заинтересуешься этими убийствами. – Анна попыталась высво-

бодиться из хватки Германа, потому что ощутила, как пальцы с силой впились в кости ее нижней челюсти.

– Какой любопытный случай, – произнес Герман, и тотчас зашептал ей на ухо, – шш, не двигайся, милая моя, не то сверну тебе шею. От этой шутки ноги Анны слегка дрогнули, и она покачнулась, удерживая свое тело на весу.

– Пожалуйста, Герман, прошу, – Герман вновь уловил в ее голосе медовые нотки страха, столь пленявшие его теперь, – и, покривив губы, он отпустил подбородок подопечной.

Герман отошел от нее, вновь уселся в кресло, и предложил Анне сесть:

– Садись, Анна, и расскажи мне обо всем, что помнишь тем днем, мне было бы интересно услышать твою версию происходящего, – Герман хлопнул в ладоши и стал потирать руки в предвкушении интересного рассказа.

Анна послушно опустилась в кресло, подобрав сумочку, и откинула темно-фиолетовые волосы до плеч назад, чтобы пряди не лезли ей в лицо.

– Это случилось четыре дня назад, – начала она, – тогда мой клиент из другого города, Максим, условился, что мы должны оказаться вместе в борделе около двадцати часов вечера. Я решила встретить его возле городской черты. Огни машин тогда были очень яркими, улицы – оживленными... Мы заказали такси, и уже почти доехали, но вдруг он попросил водителя остановиться прямо на Примутском шоссе. Мне оно никогда не нравилось, это шоссе, потому что ря-

дом с ним находилась ферма Белых Костей, принадлежала она, кажется, какому-то странному инженеру-робототехнику, а там, неподалеку от нее, совершались убийства мужчин этим самым Зверем. – голос Анны был нетвердым, и ее было едва слышно при тихо играющем радио. – Максим вышел из такси, чтобы поговорить по телефону... мне кажется, он углубился в лес недалеко от шоссе, но через пару минут я, дожидаясь его возле машины, услышала душераздирающие крики. Никогда никогда прежде я не слышала, чтобы человек так кричал. Мне было очень страшно, но я все-таки решила посмотреть, что там происходит, чтобы позвать водителя на помощь. Но когда я дошла до леса...

Анна замялась, замолчав. Ее губы дрожали.

– Продолжай, – настаивал Герман, видя, как она колеблется. Теперь он не казался Анне таким раздраженным, – что случилось дальше?

– Потом я дошла до леса, но там, в глубине лесной чащи, меня напугал треск веток и звук взводимого курка. Там копошилось что-то темное, какой-то человек в странном костюме с револьвером в руках и в очках ночного видения. Он весь был в крови, там все было в крови. Очень много крови, но Максим уже перестал кричать. Я только успела услышать шум от выстрела, а потом развернулась и побежала – так быстро, как могла, чтобы убраться из этого проклятого места как можно скорее... больше я ничего не знаю. Позже СМИ говорили об этом ужасном происшествии еще много

дней, но, прежде чем изуродованный труп нашли, по всему городу развесили листовки с объявлением о пропавшем без вести Максиме. – Анна закончила свой рассказ, но Герман по ее лицу понял, как болезненна для нее эта тема.

– Понимаю, Анна, – задумчиво парировал Герман, – но спасибо тебе за эту историю. Я думаю, что теперь я на шаг ближе к Зверю, и это замечательно. Теперь мне стоит узнать больше об этой ферме. – Раздражение Германа действительно испарилось, и он находился в редком для себя самого хорошем настроении духа.

– Для чего тебе понадобился этот убийца? – Анна была заинтересована размышлениями Германа, высказанными им вслух себе, а не ей.

– Это не должно иметь для тебя никакого значения, – отрезал Герман, – это личное, но я благодарен тебе за эту информацию. Мне ее недоставало. У тебя больше нет ко мне вопросов?

– Нет, – ответила Анна, переминаясь с ноги на ногу.

– Точно? – переспросил ее Герман, – может, виски на дорогу? Или вина?

– Спасибо, нет. Времени все никак не найдется. Да и клиенты ждут.

В это время колокольчики над дверью снова зазвенели, возвещая о новом посетителе. Анна попрощалась с Германом и ушла, и на ее место сел жирный клерк с отвисшим, как у беременной женщины, пузом и красными от недосыпа гла-

зами. Герман вновь pokrивил губами, натянул фальшивую улыбку вежливости, – само воплощение учтивости, – и продал облысевшему мужчине фен в капсулах. Тот, не задумываясь, сгреб упаковку с капсулами в рюкзак, расплатился и вышел. Герман проработал так с восьми до семи вечера, после чего направился в метро по ярко освещенной уличными фонарями улице домой.

Девять часов утра. Ферма Белых Костей на Примутском шоссе, на которой прежде работала Римма Кейцер вот уже в течении пяти лет, была полностью механизированной, оттого и уникальной – это был небольшой земельный участок с проведенными инженерными коммуникациями и мини-магазинчиком собственного производства, в котором продавалось мясо, молоко, творог и другое сырье отменного качества. Рядом с фермой также располагалась скотобойня и оцинкованные бункеры для хранения комбикормов. Территория фермы была обнесена забором из сетки-рабицы, а сама ферма находилась в часе езды от Кенна.

На записи с камер видеонаблюдения в ангаре Римме было видно, что многие козы не спали. Новые владельцы фермы, коими была пожилая пара Лиманов, не знали о том, что внутри их ангара, а также по всей территории фермы были расставлены скрытые камеры видеонаблюдения, прячущиеся под кронами лесных деревьев, чтобы территория была видна, как на ладони. Римме всегда было видно из своей

лаборатории в наблюдательном модуле, что перед запуском программы компьютер Лиманов долго загружался, но в процессе первых минут запуска он начинал работать в полную мощность, и покормить коз не составляло большого труда: специальные роботы делали это самостоятельно при помощи бункеров за стенами здания ангара. Автоматизация дошла до высочайшего уровня, и участия человека практически не требовалось. Римма кожей чувствовала белую шкуру коз, тепло, исходящее от тощих белых тел, вытянутые горизонтальные зрачки, в которых отражалась одна из камер видеонаблюдения... все это напомнило Римме то время, когда она зарабатывала на жизнь продажей овечьей шерсти и продуктов из молока коз. Доходы от крупной коммерческой компании позволили Римме выкупить земельный участок для фермы, и, кроме того, построить собственную лабораторию под землей.

Римма, сидя в стуле на колесиках, прикрыла налившиеся тяжестью веки. Она вспомнила день первого в ее жизни убийства, когда свежая кровь скопилась меж расселинами зубов в ее челюстях; то, как она долго думала впоследствии над проектированием накладных челюстей, как пришила полосу густой шерсти вдоль позвоночника, чтобы сделать сходство с диким животным более очевидным... все это было недавним прошлым – прошлым, которое дало выход будущему. Будущее несказанно радовало ее – проект был почти готов, и ей осталось подождать совсем немного, чтобы она

смогла отомстить человеку, предавшему ее пять лет назад. Тогда она оказалась в больнице в кислородной маске, с пулей в грудной клетке, и очнулась в окружении быстро снующих там и сям белых халатов в ослепительно белом свете, – врачей и медсестер, которые готовились проделать сложную операцию и поэтому всячески торопили друг друга. Последнее, что она помнила – то, что сознание медленно угасало, как и ее жизнь. С тех пор Римма Кейцер уже никогда не могла стать прежней. Она нашла своего мучителя, но он чудом улизнул от нее, раненый, но живой... Римму не покидали мысли о мести, и ее глубокая духовная рана кровоточила все сильнее с каждым днем, и ей казалось временами, как гудящая в ее ушах кровь воочию проливалась на одежду. Иногда ей казалось, что под ее мышцами буграми перекачиваются чужие сильные мышцы, и в такие моменты она ощущала резиновую кожу оттенка хаки под толщей собственной тонкой кожи.

Римма Кейцер вышла из наблюдательного модуля, чтобы перейти в модуль операционной. Все помещение было тщательно продезинфицировано, и огромное крепление для хирургических машин на дисковом устройстве было неактивно. Компьютер телевизионной трансляции также был выключен. Операционная была погружена во мрак. Римма вышла из операционного модуля и перешла в другой, сборочный модуль. Там она долго любовалась своим творением, но позже вышла оттуда, вызвав лифт, который довез ее из-

под земли до первого этажа, а потом она взобралась на лестницу, ведущую прямо к люку с массивной автоматической крышкой. Выбравшись из люка в лесной чаще, Римма огляделась. Деревья шелестели над ней, и прохладный ветер дул ей в лицо. Инженер-робототехник вышла из леса на обочину Примутского шоссе, после чего прошла еще один километр, прежде чем очутилась на автозаправочной станции «Разъяренный Тигр».

Ее работа начиналась в 7.30 утра, и к заправочной станции уже подъехал первый черный автомобиль, притормаживая. Владелец автомобиля припарковал машину к свободной колонке, и вышел из нее. «Как демон», – успела подумать Римма. Это был жилистый мужчина в черном, с ярко-розовой прядью в копне густых черных волос.

Герман вспомнил и ее, и события их мимолетных встреч, стоило Герману взглянуть на нее один раз. Навстречу Герману вышла молодая невысокая женщина в закатанных в рукавах рубашке, прямых брюках и черных ботинках. Облик этой женщины остался неизменным, но в глазах что-то изменилось. Неуловимые, как взмах крыла бабочки, изменения. Изменения в Римме Герману казались ощутимыми, едва он посмотрел на нее, но передать словами эти изменения он бы не смог. Она постарела за эти пять лет.

– Здравствуйте, – сказал Герман, открывая бак и вставляя в горловину пистолет.

– Здравствуйте, – неохотно сказала Римма, держа в руках

механическую черную бабочку.

– О, я знаю происхождение этого устройства, – сказал Герман задумчиво. – Он нажал на рычаг пистолета и стал управлять автомобилем. Римма покосилась на него:

– Кажется, это робот-бабочка, – сказала Римма, обменявшись с Германом взглядом.

Спустя несколько долгих минут Герман закрыл бак, посмотрел на цифры на дисплее колонки, расплатился с Риммой. Но Римма заметила, что он не спешил уходить, и по дрожащим губам Герман понял, что ее это нервировало. Маленькое устройство в ее руках было до боли ему знакомо. Должно быть, одна из бабочек в его подвале выпорхнула из своего убежища, и попала прямо в руки Риммы.

– Вас интересует это устройство? Таких у меня дома много, – сказал Герман, – они есть по всему дому и были сделаны на заказ знакомым механиком.

– Вот оно что, – ответила Римма решительно, – что-то мне подсказывает, что это непростые бабочки и что они связаны с серийными убийствами.

– Не думал, что вы окажетесь такой сообразительной. – удивился Герман, – Почему вы так думаете?

– Потому что бабочки символизируют проституток. Кто-то, кто убивает проституток, сделал их на заказ не просто так. Они... как отчаяние, – продолжала Римма. Отчаяние, которому нет конца.

Герман был вновь приятно удивлен. Человек, в которого

он выстрелил и который его не узнавал, говорил единственно правильные слова. Эти слова обожгли Германа огнем, потому что были правдой. Должно быть, тот инцидент с револьвером полностью изменил ее. Герман бы даже сказал, что она рассуждала так, словно сама знала, каково это. На деле так оно и случилось: спустя две недели она пригласила Германа в свою секретную лабораторию. Он не знал, что толкнуло ее совершить этот поступок, но безрассудным его точно нельзя было назвать: от прежней Риммы Кейцер ничего не осталось. Теперь это был очень холодный, замкнутый человек, испытывавший много горя. Ее лаборатория находилась под землей, недалеко от фермы, в двух километрах на Север от указателя «Примутское шоссе, 5 км». К лаборатории вел люк с массивной автоматической крышкой; когда Герман спустился по лестнице вслед за ней, они попали в темное помещение с лифтом, который вел на два нижних этажа. В ее лаборатории было четыре комнаты-модуля; но Германа поразили не модули, его поразило зрелище, запавшее ему глубоко в душу. Зрелище, которого он никогда не забудет, и которое являлось первым толчком к его ледяной ненависти. В одном из модулей, а именно в сборочном модуле, хранился огромный стеклянный сосуд с кибертелом внутри. Но это было не человеческое тело, это было искусственно спроектированное тело Зверя. Боже мой, подумал Герман изумленно, теперь я знаю своего врага в лицо. Теперь этот враг стоит перед ним, не помня и не узнавая его. С восхищением

Герман прикоснулся подушечками пальцев к стеклу, отделявшему его от нового тела Риммы. Это было стройное тело антропоморфного хищного животного с длинными конечностями и с длинным пушистым хвостом. Во всем своем величии это спроектированное тело с гладкой и прохладной, как резина, кожей оттенка темного болотного хаки представало перед Германом в первозданном виде; уши Зверя были закругленные, как у гиены, морда короткая, прямоугольной формы, открытые механические голубые глаза вперились в него безжизненным взором. Шерсть на хвосте была такая же, как овечья и резко контрастировала с гладкой кожей всего остального тела. Огромные втяжные когти из титана были выпущены наружу, а образ дополняли ярко-розовые бархатистые подушечки пальцев. Новое тело Риммы было потрясающим, – это была смесь грации и красоты, пробивавшаяся рельефом сильных упругих искусственных мышц. Создатель тела явно вдохновлялся представителями семейства виверровые, и этот отпечаток ложился на весь образ Зверя.

На следующее утро Герман остался в наблюдательном модуле, чтобы осмотреть ее владения как следует. Было 9.00 утра, когда железные двери модуля распахнулись перед ним. Все это напомнило Герману то время, когда Римма зарабатывала на жизнь продажей овечьей шерсти и продуктов из молока коз. Доходы от крупной коммерческой компании позволили Римме выкупить земельный участок для фермы, что-

бы построить лабораторию под землей. Всего этого Герман не знал до встречи с ней, и все время думал: кем она по-настоящему работала раньше? Когда Герман думал о работах подобного типа, ему приходило на ум просторное светлое помещение бюро с массивными рядами столов вдоль выцветших стен, столы, заставленные белыми компьютерами-ящиками, где внизу под ногами путаются змееподобные толстые провода. Должно быть, в такой отдел нередко поступали запросы на создание разных компьютеров. Электронные компоненты, материнская плата, контактный керамический корпус, жесткий диск, загрузочный контроллер... поэтапный процесс сборки компьютера наверняка не казался Римме таким сложным. Но Герману бы это не далось легко – по сравнению с ней у него не было технического образования, да и белые компьютеры, перед которыми он сейчас сидел и смотрел трансляцию ангара Лиманов, мало его интересовали. Римма выглядела очень уставшей. Герману стало интересно, о чем она думает. Вот цена ее мести. Герман рассмеялся про себя. Человек, которому она была намерена отомстить, сидел прямо перед ней, а она и не подозревала об этом.

– Знаете ли вы, зачем я пригласила вас сюда? – спросила Римма, и Герман увидел, что ее взгляд помрачнел.

– Знаю, но я не был обязан сюда приходить, – сказал Герман, – об этом месте никто не знает, только мы с вами.

– Да, я, пожалуй, соглашусь с этим, – ответила она, – но

суть не в этом, потому что суть состоит в моей философии.

– О, думаю, в этом мы с вами похожи! У меня она тоже есть, и я думаю, вы уже догадываетесь, что она из себя представляет.

Герман ожидал, что она будет яростно доказывать мне что-то, но вместо этого он мог прочесть в ее глазах только спокойствие. Их взгляды пересеклись. Римма встала с кресла, и жестом пригласила Германа в операционный модуль. Все помещение было тщательно продезинфицировано, и огромное крепление для хирургических машин на дисковом устройстве было неактивно. Компьютер телевизионной трансляции также был выключен. Операционная была погружена во мрак. Римма включила свет, и ослепительно-белые стены, как в кабинете у врача, предстали взору Германа. Стоя на пороге комнаты, Римма, медленно повернувшись к нему лицом, сказала:

– Моя философия означает, что мой Зверь – это не животное, это человек в зверином обличье. Знаете, почему? Начнем с понятия «Послечеловек».

– Не могли бы вы объяснить поточнее? – спросил Герман вкрадчиво. Ситуация его сильно заинтересовала.

– Для начала ответьте, как вы сами понимаете это слово? – Римма сцепила руки в замок, но уходить с порога комнаты не собиралась.

– Для меня это означает, что какая-то допустимая черта осталась позади, – сказал Герман неуверенно. Внезапно он

почувствовал раздражение. И что вы хотите этим сказать, в конце концов?

Римма только махнула рукой, видя его раздражение, и провела его обратно в сборочный модуль, где они сели на сиденья перед белыми компьютерами. Свет компьютеров в полутьме отражался в глубине ее бездонных, отчаявшихся глаз. Она давно потеряла надежду.

– Для меня Послечеловек, – начала она, – это человек, поврежденный духовно. Эта поврежденность может быть как врожденной, так и приобретенной; врожденная подразумевает под собой духовное уродство, чистое зло, иначе таких людей называют моральными уродами, а приобретенная порождается внутренними страданиями. Последний факт позволяет причислить к разряду Послечеловека некоторых преступников, серийных убийц и террористов.

– Вы хотите сказать, что и мы с вами принадлежим к этому разряду?! – Герман вскочил со стула. Волнение пробирало его до костей.

– Да... успокойтесь, сядьте, – недовольно сказала она, – на этом я еще не закончила. Это еще не все, о чем я хотела рассказать.

– Вы когда-нибудь читали «Феменологию духа» Г.В.Ф. Гегеля, философский трактат 1807 года? Мой внутренний Зверь, которого породило страдание, мой Зверь, который жалобно скулит и ворчит, обвивая пушистым хвостом мое слабое немощное человеческое тело, он бесконечно отрица-

ет себя, возможность прощать чужое зло.

– То есть Зверь отрицает сам себя? Свою человечность?

– Именно, – губы Риммы впервые озарила слабая и злобная улыбка, – так и есть. Мой Зверь руководствуется понятием Гегеля «беспощадное отрицание». Это отрицание, как вы думаете, что оно в себе несет?

– Разрушение? Уничтожение? Смерть? Убийство? – спросил Герман, догадываясь. Он был впечатлен.

– Правильно. Я мертва духовно, но я каждый раз обретаю себя вновь и вновь через убийство... а облик Зверя – всего лишь метафора моего отчаяния. Как, впрочем, и вашего.

– Но это... – сказал Герман, с трудом проговаривая слова, – это же нигилизм. Раз вы отрицаете свою человечность, вы отрицаете человечность вообще. Это же трансгрессия... выход за пределы допустимого, дозволенного. Вы – трансгрессивный нигилист!

– Да, так и есть, но я не хочу постоянно возвращать себя к жизни через убийство других людей. Я глубоко несчастна, и вы знаете, каково это. Вы ведь сами – серийный убийца.

На этом Римма закончила и замолчала. Герман же тем временем долго приходил в себя. «Мне никогда не пришла бы в голову подобная концепция», подумал он. Но тут он рассмеялся прямо перед ней. Не мог удержаться. Колики в животе совсем донимали его. Ему стало очень больно.

– Вам смешно, правда? – спросила Римма утвердительно. – Смейтесь дальше, для меня теперь ничто не имеет зна-

чения, даже ваш горький смех.

Она развернулась и быстро ушла к себе в другой модуль; Герман же еще долго смеялся, горестно и долго так смеялся. Но внезапно на Германа накатила злость, и он ударил кулаком по столу. Кружка на столе заходила ходуном от удара. Теперь он знал, кто такая Римма, и кто такой Послечеловек, но одна и та же мысль все не давала ему покоя. Если Римма считает себя Зверем, она должна скоро сделать операцию по смене тела. Это было ужасно, потому что было почти невозможно. Отчаяние довело ее до такого шага. И виной всему был Герман, но он не чувствовал раскаяния. Напротив, ему было очень смешно. Этот смех, должно быть, был защитой. Он пытался защитить себя. От кого? От Зверя? От самого себя?

Герман перешел в проектировочный модуль, где Римма хранила свои чертежи. Там, по чертежам, он узнал, что скелет ее нового тела был создан на основе прочного и прозрачного графена с электронно-механическими компонентами. Поэтому кости были прозрачными. Стеклянные кости... графен хорошо проводил тепло и электрический ток. А в груди у нового тела вместо сердца располагался биодвигатель – источник искусственного жизнеобеспечения, аналог сердца. День операции все приближался, но Герман не думал мешать Римме. «Моя месть должна созреть, как созревают на дереве плоды», подумал он.

День операции наступил вечером, 7 августа 1998 года. В этот день солнце не светило, на шоссе, как всегда, было шумно, огни машин таяли в ночной мгле. Римма направилась в операционный модуль вместе с Германом. Пришлось переодеться в халаты, тщательно все продезинфицировать. Римма включила аппарат и села перед дисковым устройством. Вертушка с хирургическими инструментами заработала, и Римма, стоя в белом халате, села на операционную кровать. Машина сбрила ей все волосы, после чего нанесла черным маркером метку по черепу. Римма лежала под наркозом, пока машины медленно начинали свою работу. Герман с придыханием наблюдал за тем, как машины на дисковом устройстве вскрыли черепную коробку по свежим следам меток маркера, после чего мозг был соединен с новым телом Зверя; его поместили в главный отсек и соединили нервы с отделом управления. Так прошло несколько часов. Новорожденный Зверь с подключенными к его голове электродами еще не пришел в себя. Герман знал, что на восстановление уйдет несколько часов, и он томился в ожидании. Наконец по прошествии долгих часов Зверь открыл глаза. Он лежал на кровати, и его длинный гибкий хвост задвигался из стороны в сторону. Зверь привыкал к непривычной для него обстановке. Герман был восхищен. Ростом около ста восьмидесяти сантиметров и весом в сто тридцать килограмм, Зверь производил сильное впечатление. Его голубые человеческие глаза зажглись ярким голубым огнем, как гла-

за работа, и их слепящий свет отражался от стен операционной. Зверь вновь печально улыбнулся, попытался встать с кровати на левую ногу, но упал; пришлось какое-то время разрабатывать рефлекс, чтобы вернуть мозгу управление над всеми частями тела. Римма была мертва, уже теперь по-настоящему. Герман гордился своим «творением». Ведь это он создал Послечеловека. Он, не намеревавшийся совершать ничего гениального, создал Послечеловека из праха, из пепла...

Прошло две недели с момента операции. Зверь вынес из лаборатории на солнечный свет бальзамированные человеческие останки Риммы. Герман незаметно для Зверя дотронулся до спрятанной одеждой заряженного револьвера, проведя по нему рукой. Они с Германом пробрались сквозь лесную чащу на заброшенное кладбище, где высоко в небе сиял серп мрачной восходящей луны, и Зверь зачем-то взял с собой механическую черную бабочку. Герман выкопал железной лопатой глубокую яму, после чего все останки были погребены под толщей холодной земли. Герман повернулся к Зверю и прошептал ему на ухо:

– Я не предаю вас.

Зверь не ответил; вместо этого он показал Герману выгравированные на крыле бабочки золотые инициалы с настоящим именем Германа.

– Генри, – сказал Зверь, – вы совершаете большую ошибку.

ку, – и, встав на все четыре конечности, выпустил огромные когти из подушечек пальцев. Тело Зверя напряглось, мышцы одеревенели. Он весь подобрался, стал медленно приближаться к Герману. Нездоровая и больная ухмылка появилась на морде киборга. Его голубые глаза горели жаждой мщения, а капилляры в них лопнули. Герман же стоял, дрожа на холодном ветру, и его одежда колыхалась при каждом дуновении ветра. Он стал отступать назад, и вытащив револьвер, истерично захохотал. Зверь зарычал, но Герман уже взвел курок и опустил палец на спусковой крючок: он выстрелил Зверю в руку и в грудь справа. Зверь взвыл от боли, но несмотря на это, он неожиданно побежал на Германа. Настигая его в прыжке, он раскрыл челюсти и приготовился вонзить острые, как бритва, зубы в шею Герману, где пульсировала сонная артерия. Его зубы вонзились в мягкую плоть, погружаясь в нее глубоко. Брызнула алая кровь, Герман закричал от невыносимой боли. Но это была не шея, а рука: Герман успел подставить руку вовремя, прежде чем зубы сомкнулись бы на его шее. Зверь отпустил руку Германа, и сжал кулаки, нанося удары по лицу Германа. Он бил и бил, так сильно, как мог, потому что вкладывал в эти удары всю свою многолетнюю боль, все свое отчаяние и всю свою ярость. Герман плевался кровью: все его лицо было в крови, как и руки Зверя. Но мужчина продолжал смеяться. Этим он злил Зверя все сильнее. Но вдруг Герман, подобрав револьвер, со всей силы ударил Зверя по голове. Зверь упал, а Герман вскочил на ноги

и побежал, забыв револьвер, в котором еще осталось две пули. Герман бежал сквозь лесную чащу, выбежал на Примутское шоссе и остановился, оглядываясь. Зверя не было видно. Тем не менее, он побежал дальше, и все время оглядывался по сторонам. Повернув голову в очередной раз, Герман похолодел: в такт ему бежал Зверь с правой стороны шоссе, и голубые глаза светились в темноте, окружавшей Германа. Герман сошел с дороги, намереваясь срезать путь, но топот ног все приближался. Это Зверь, внезапно оттолкнувшись от земли, прыгнул на Германа. Последнее, что увидел Герман, было на миг застывшее изображение ужасного Зверя в воздухе: темная и стройная фигура, огромные когти, изящно загнутый хвост и глаза, горевшие ненавистью. Зверь занес руку с когтями над головой наркодилера и одним мощным ударом разорвал ему горло. Герман упал. Из горла Германа хлынула кровь, он корчился на земле в судорогах и пытался что-то сказать, но из его горла доносилось лишь кровавое бульканье. Наконец, перестав дергаться, Герман затих. Его глаза остались открыты, и в них застыл ужас. Накатывающая боль в груди расплзлась по всему телу Зверя. На самом деле это было проявлением душевной боли: на глазах у Зверя выступили слезы, и он закричал в небо. Слезы скатывались по коже, боль накатывала все сильнее. Он плакал не от того, что Герман умер – он плакал от того, что стал монстром, и нет пути назад. Начало конца, начало триумфа. Зверь наклонился к трупу: в неподвижно открытых глазах трупа он уви-

дел нечто прекрасное. В глазах Германа отражался Зверь, и он победил.